

*Авторы благодарят за помощь и поддержку Юрия Жукова,
Макса Д (он же Road Warrior) и Олега Васильевича Ильина.*

Затишье перед бурей

Пролог

Югороссия, словно хороший актер, выдержала паузу и приступила к расширению своих пределов. Отгремела война за освобождение Балкан от османского ига, но мир на планете Земля так и не наступил. В Ирландии зреют гроздья гнева — жители Зеленого острова готовят восстание против ненавистных им британцев.

Бывшие конфедераты не смирились с поражением в Гражданской войне. При поддержке югороссов они готовы снова сразиться с янки, чтобы освободить свою родину от «саквожников».

Британия повержена, а Австро-Венгрия со страхом смотрит на Россию и Германию, которые готовы провести раздел Двуетиной империи. Алчные американцы с вожделием посматривают на Канаду, которая, после ослабления своей метрополии, стала легкой добычей для южного соседа.

Русские войска отправились в «последний бросок на юг», к границам Индии. Осада британских твердынь — Мальты и Гибралтара — подходила к концу. Еще немного, и символы господства Англии в Средиземноморье падут в самое ближайшее время.

Россия копит силы, ибо, к сожалению, единственное, с чем считаются в этом жестоком мире — это сила. Ведь еще нет ни Лиги Наций, ни ООН, и все противоречия между государствами решает исключительно грубая военная сила. Закон джунглей царит так же и в политике, и в экономике. И чтобы выжить в этом мире, надо всегда иметь под рукой оружие. И верных союзников. И то и другое у Российской империи имеется...

Часть 1

ВОСКРЕШЕНИЕ КОНФЕДЕРАЦИИ

16 (4) ноября 1877 года. Куба, Гуантанамо

Джуда Филипп Бенджамин, государственный секретарь
Конфедеративных Штатов Америки

Быстроходный югоросский катер причалил к деревянному пирсу, и я, вежливо попрощавшись с командой, сошел на берег. На мне был элегантный костюм, сидевший на моей фигуре, как вторая кожа. Только в Лондоне, на Сэвил Роу, умеют шить такие костюмы. Мои некогда черные волосы и окладистая борода практически полностью поседели, но лицо было все еще молодым, почти без морщин. Оглядевшись, я увидел небольшое здание, над которым реял флаг Конфедерации. Глаза мои заблестели, а по щеке скатилась слеза. Через много лет я снова вижу этот флаг, развевающийся на флагштоке.

Минуту спустя я был окончательно сражен — от здания с флагом, размахивая тростью, навстречу мне шел *сам* президент Дэвис! Его сопровождали четверо молодых людей неброской наружности.

— Джуда, мой друг, добро пожаловать в Гуантанамо! — сказал президент, пожимая мне руку. Сопровождавшие его молодые люди приняли у матросов мой багаж и неподвижно замерли в ожидании.

— Спасибо, мистер президент, — ответил я, сжимая его еще крепкую руку, словно боясь, что все увиденное окажется сном, и я сейчас проснусь, — очень рад, что сегодня оказался здесь, среди своих друзей.

— Пойдем, я тебе покажу твое новое жилище, — президент Девис подвел меня к высокому и плотному армейскому офицеру к югоросской военной форме.

— Бен, познакомься — это майор армии Югороссии Сергей Рагуленко, наш главный военный советник. Майор, а это Джуда Бенджамин, государственный секретарь Конфедеративных Штатов Америки, — представил он нас друг другу.

Утирая непрошеную слезу, я негромко сказал:

— Мистер президент, можно я еще немного постою здесь? Ведь мне так давно не приходилось видеть наш славный флаг.

Я стоял, смотрел на развевающееся в воздухе алое полотнище с синим Андреевским крестом, украшенное белыми звездами, и вспоминал всю свою минувшую жизнь. Я, Джуда Филипп Бенджамин, родился в еврейской семье в Сен-Круа на Виргинских островах. Мне исполнилось два года, когда наша семья переехала в город Фэйетвилль в штате Северная Каролина.

Мой отец, Филипп Бенджамин, попробовал себя в качестве бизнесмена, но быстро прогорел, и мы снова переехали, на этот раз в город Чарльстон, что в Южной Каролине. Вторая попытка начать бизнес закончилась тем, что все семейные сбережения были словно унесены ветром, и нашей семье пришлось перебираться в лачугу около порта. Тогда отец сказал мне: «Если не везет в карты, сынок, то повезет в любви. А бизнес, малыш, это те же карты».

Отец всю оставшуюся жизнь торговал фруктами с лотка около порта. Жили мы впроголодь, но деньги на обучение нас, детей, для моего отца были всегда на первом месте.

Сначала я учился в хороших школах, а потом отец послал меня в Йельский университет, расположенный в штате Коннектикут, в городе Нью-Хейвен. Во время учебы я подрабатывал как мог, но сев однажды играть в покер, быстро почувствовал логику этой карточной забавы и начал зарабатывать игрой в покер неплохие деньги. Вскоре я уже полностью оплачивал свое обучение, да еще и делился с родителями. Потом, на втором курсе, я начал писать рефераты за своих не столь одаренных товарищей, и денег, которые я теперь зарабатывал, хватало и на обучение моих младших братьев.

А вот с женщинами мне не везло. Ни одна из молодых евреек, с которыми меня познакомили в Нью-Хейвене и в Чарльстоне, мне не понравилась. Впрочем, как и я им.

Эти юные стервы в первую очередь оценивали толщину кошелька избранника и только потом смотрели на прочие его достоинства. А это до безобразия похоже на проституцию, небрежно прикрытую фиговым листком брака. Я не аскет и не моралист, но одно дело — провести с девкой за деньги ночь, и совсем другое — всю жизнь. И я все время вспоминал слова отца.

Летом, после того как я окончил первый курс, мне случайно довелось попасть на митинг в центре Чарльстона. Речь держал сам Джон Калхун, сенатор от Южной Каролины и самый яркий южный политик. Он не уподоблялся проповеднику или артисту, он говорил языком, понятным для всех. Его речь была о том, как Север пытается

подмять под себя Юг, и что Североамериканские Соединенные Штаты медленно, но верно превращаются в тиранию, хуже той, против которой колонисты восстали в далеком 1776 году, и что у каждого штата, да и у Юга вообще, есть полное право выйти из состава Федерации.

Еще год назад я не поверил бы Калхуну, но год, проведенный в Коннектикуте, укрепил меня в мысли о том, что «что-то прогнило в датском королевстве», и моя родина — это не Североамериканские Соединенные Штаты, а Дикси — штаты к югу от линии Мэйсона—Диксона, от Миссури на западе до Делавера на востоке. И моей первой настоящей любовью стала не женщина, а Юг.

Впрочем, женщин я тоже не чурался — чего-чего, а публичных домов в Нью-Хейвене хватало, и денег у меня было теперь вполне достаточно и на них тоже. Но мне хотелось не только телесного удовольствия, но и любви. А вот этого я найти никак не мог.

В 1827 году, когда мне было шестнадцать лет, после двух лет обучения в Йеле, рейд профессоров накрыл игру в покер. Я был единственным евреем из игроков, и, возможно, именно поэтому из университета исключили только меня. Но я не отчаялся и поехал в Новый Орлеан, где устроился клерком в адвокатскую контору, а через три года начал обучаться юриспруденции.

Из адвокатской конторы меня вскоре уволили, поскольку владельцам не понравился еврейчик, который возмнил себя будущей звездой юриспруденции. Я начал зарабатывать на жизнь уроками английского. Дело в том, что многие креолы даже через полвека после покупки Луизианы у Наполеона почти не говорили на английском. И вот одна-то из моих студенток, Натали Боше де Сен-Мартен, мне очень понравилась.

Как ни странно, несмотря на то что я был евреем, ее родители буквально затащили нас с Натали к алтарю. Потом, конечно, выяснилось, что она была «слаба на передок». Но я слишком поздно узнал то, что знали все. Жениха из приличной семьи она бы никогда себе не нашла.

И вот, после того, как я в двадцать один год с первого раза сдал экзамен на степень юриста, к которому многие другие готовились годами и пересдавали его по многу раз, мы с Натали обвенчались в католическом храме в Новом Орлеане. В синагогу Натали идти отказалась, да и я сам не был ревностным иудеем.

Вскоре после свадьбы Натали родила мне дочь, которую мы называли Нинетт. Больше детей у нас не было. Позже я узнал, что вскоре после родов Натали «залетела» от кого-то из своих случайных знакомых и в результате тайного аборта стала бесплодной на всю жизнь. А когда Нинетт было семь лет, моя супруга вдруг объявила, что «она уезжает в Париж, и что ты можешь иногда приезжать», не забыв до-

бавить, что придет мне адрес, по которому я смогу высылать ей деньги. И тут я понял, что буду и дальше любить жену и содержать ее, несмотря на ее выкрутасы. Тем более что деньги, причем немалые, у меня тогда уже водились.

Когда я в 1851 году стал сенатором от Луизианы, Натали ненадолго послушалась меня и переехала ко мне в Вашингтон. Но уже через несколько месяцев, брызгая слюной и истерично крича, что она «не хочет больше жить в глухой провинции», Натали укатила обратно в Париж.

После этого, как это было и раньше, я проводил по месяцу в году в своем парижском доме. Я даже думал остаться там навсегда. Но, когда я обратился в местную адвокатскую коллегия, мне быстро дали понять, что мантия адвоката мне не светит. Ведь я — иностранец, а французский язык у меня, хоть и практически безукоризненный, но имел луизианский акцент, «а это недопустимо».

Так что с любимой женщиной мне не повезло. Да и над моей первой и главной любовью — нашим милым Югом — сгущались тучи. Наконец, в 1861 году я оказался одним из тех, кто уехал из Вашингтона навсегда. Сначала генпрокурор Конфедерации, потом военный секретарь и, наконец, госсекретарь. Я делал все, чтобы Юг стал свободным и независимым. Но наобещавшие нам с три короба англичане и французы обещаниями и ограничились.

После капитуляции Юга я сказал президенту Дэвису, что ни при каких условиях не буду жить под властью янки. Дэвис попенял мне, дескать, они пообещали никого не трогать, сдался новым властям и оказался в тюрьме. А я сумел бежать в Англию практически без гроша в кармане. Я жил на гонорары за мои книги по юриспруденции, пользовавшиеся спросом и в Старом Свете. Но самое главное — я был на свободе.

И тут отцовская поговорка дала сбой. Чтобы работать адвокатом, нужно было и здесь пройти как минимум трехгодичный курс, а потом сдать экзамен. Я же сдал этот экзамен за пять месяцев и стал одним из самых уважаемых адвокатов в Лондоне. Когда я приехал в Париж к жене, которую не видел шесть лет, она бросилась ко мне на шею, исповедовалась во всех своих грехах и изменах и обещала больше так никогда не поступать.

Жизнь налаживалась... Пусть газеты янки писали, что жена изменяла мне потому, что я — импотент, а кое-кто даже намекал, что я — содомит. Но мне было все равно. Я был счастлив во всем, кроме одного. Моя первая любовь — Дикси — лежала изнасилованная проклятыми янки, и я уже не надеялся когда-либо увидеть ее свободной.

В сентябре этого года я снова поехал к жене в Париж, а в начале октября, незадолго до отъезда, ко мне на улице подошел незнакомый молодой человек.

— Мистер Бенджамин, — вежливо сказал он, — у меня к вам рекомендательное письмо.

Этот молодой человек не был южанином, а его английский был с явным иностранным акцентом, причем не испанским, французским или немецким. Я взял из его рук конверт, вскрыл его и увидел знакомый почерк президента Дэвиса.

«Мой дорогой Джуда, — писал тот, — я прошу Вас выслушать человека, который передаст Вам это письмо, и верить ему, как Вы верили мне.

Ваш друг Джефферсон Дэвис».

— Мистер Бенджамин, меня зовут Александр, — представился незнакомец, когда я дочитал письмо и кивнул ему в знак согласия. — Не хотели бы вы выпить кофе? В «Кафе де ля Пэ» есть приватные кабинеты, где нам никто не помешает.

Я был в недоумении: президент Дэвис никогда бы не прислал ко мне просителя. Тем более, откуда он узнал, что я буду в это время в Париже? Так что что-то здесь было не так...

Через десять минут мы сидели в кафе и перед нами стояли чашки с кофе. Александр неожиданно произнес:

— Мистер Бенджамин, президент Дэвис просил вам передать, что правительство Конфедерации возобновляет работу с середины ноября, и что ваше присутствие там будет обязательным.

Я ошеломленно смотрел на собеседника.

— Да-да, правительство Конфедерации возобновляет свою работу, — повторил тот. — А вы, как-никак, государственный секретарь...

— Мистер Александр... — хрипло произнес я.

— Просто Александр, — поправил меня он.

— Александр, — сказал я, — Конфедерация, увы, мертва, янки контролируют весь Юг.

— Мистер Бенджамин... — назидательно сказал тот, — позвольте вам кое-что объяснить.

— Зовите меня просто Джуда, — тихо произнес я. На мгновение мне показалось, что передо мной не живой человек, а воплощенный ангел Господень, настолько странными и чужеродными выглядели его мимика и телодвижения.

— Так вот, Джуда, — сказал Александр, — Конфедерация обязательно возродится, и в скором времени начнется освобождение ее территории от власти янки. Правительство уже собралось в полном составе, не хватает только вас. А то, где именно расположено прави-

тельство Конфедерации в изгнании, вы узнаете чуть позже. Если мы, конечно, договоримся.

— Но Конфедерацию никто не признает, — уныло сказал я, — если уж ее никто не признал тогда. И она снова будет обречена...

— Джуда, — усмехнулся мой собеседник, — Конфедерацию уже признали. Это сделало государство, которое я имею честь представлять. И мы готовы помочь святому делу освобождения Юга от тирании янки всем, чем можно: деньгами, причем немалыми, новейшим оружием и первоклассными военными специалистами. Один умный человек сказал в похожем случае: «Наше дело правое, враг будет разбит, и победа будет за нами».

— Но кто вы? — недоумеваю, произнес я.

Александр снова усмехнулся:

— Это вы узнаете, как только согласитесь на предложение вашего президента. Вашего, заметьте, не моего.

«Значит, вы югоросс, милейший Александр...» — подумал я про себя.

Я был в Портсмуте по делам одного из своих клиентов в ту самую ночь, когда югороссы непонятным образом уничтожили весь базировавшийся там британский флот и сильно разрушили сам порт. Обстрел и взрывы меня не испугали. Больше всего меня поразила та легкость, с которой они уничтожили главную базу военно-морских сил Объединенного королевства. Да, если это государство со всем его могуществом станет нашим союзником, то у нас появится реальный шанс.

Я поднял голову и сказал:

— Александр, я согласен. Только один вопрос, раз уж я согласился. Вы ведь югоросс?

— Ну, вот и хорошо, — кивнул тот. — Да, вы угадали, я действительно югоросс. Ну, а пока вам предстоит вместо Лондона добраться до острова Флореш, что в Западных Азорах. В начале ноября вас от туда заберут.

— А у меня будет время вернуться в Лондон и привести в порядок все мои дела? — растерянно спросил я. — У меня ведь клиенты...

— Лучше этого не делать, чтобы никто ни о чем не догадался, — ответил Александр. — У вас есть партнеры? Напишите им, что вам придется срочно отправиться на лечение, и что вы просите, чтобы они взяли клиентов на себя на время вашего отсутствия. А жене и дочери не говорите ничего. Пусть они думают, что вы вернетесь в Лондон. Так будет безопасней и для них, и для вас.

Александр достал из кармана большое портмоне.

— Вот, смотрите, — сказал он. — Это билет на поезд в Бордо. Отходит послезавтра, именно тогда, когда вы собирались уехать в Лондон.